

ЛАДВА

В низине среди сосен и ёлок
хлебнувший страданий и бед
затерян карельский поселок,
где я появился на свет.

Рекою от уха до уха
разрезан на две стороны.
Разруха, разруха, разруха,
как после гражданской войны.

Зачем же я здесь очутился
и не позабуду никак
квартиру, в которой родился,
и Ленина ржавый пиджак,

мосты и развалины храма,
который погиб от огня,
то время, где папа и мама
немного моложе меня.

Да, были и ахи, и охи,
но всё же горели огни,
а мне от прекрасной эпохи
остались осколки одни.
И я не найду теперь средство,

движение лёгкое, чтоб
опять превратить это место
в сверкающий калейдоскоп.

МОРСКОЙ БОЙ

Начиналось всё бойко и дерзко,
а потом развалили страну.
Из скупого советского детства
я запомнил игрушку одну,

что стояла в ДК неизменно,
фантастических звуков полна:
в ней гудела ночная сирена,
и шумела морская волна.

Я пятнашку ей в брюхо закину,
и прицелюсь, и кнопку нажму,
и торпеда, разрезав пучину,
со всей дури ударит в корму.

Я не ведал расстрельной свободы,
потому не боялся её –
философские шли пароходы
через горькое детство моё.

Я теперь научился толково,
не теряя в сраженьи лица,
направлять бронебойное слово
на людские умы и сердца,

ни себя, ни других не жалея,
научился судить обо всём,
и стреляет моя батарея,
как и в детстве, прицельным огнём.

МЁРТВОЕ ВОЛНЕНИЕ

*Кто на море не бывал,
тот досыта Богу не молился.
(русская пословица)*

С друзьями об истине споря,
я выпил воды и огня
и плюхнулся в Чёрное море,
и море схватило меня.

От берега я удалялся,
волнением мёртвым влеком.
Боялся?.. Наверно, боялся.
Но я говорю о другом.

В обители хищной природы
я трепетным сердцем постиг
величие древней свободы,
которой не знает язык.

Я стал бы, наверное, морем,
в воде растворился, как соль,
легендой, нелепостью, горем,
но я не сыграл эту роль.

Я даже не вспомнил о Боге
и был опрокинут волной,
но чудом почувяли ноги
не бездну, а твердь подо мной.

И понял я, праздный мечтатель,
что жизнь свою прожил шутя.
Потом появился спасатель
и вывел меня, как дитя.

Слетелись, как гарпии, люди:
поэты, зеваки, врачи.
Я даже не думал о чуде,
поэтому здесь помолчи

о смерти, которая схватит
и станет пределом всего,
иначе таланта не хватит,
чтоб выразить волю Его.

* * *

***Жили они долго и счастливо
и умерли в один день.
(из русских сказок)***

Классно тем, молодым и влюблённым,
что летят по путевке в круиз,
а их лайнер над солнечным склоном
неожиданно падает вниз.

Лучше так, пусть летят из круиза –
отдых тоже теперь не пустяк,
и уже проштампована виза,
и запилены фотки в «Контакт».

И осталась минута до взрыва...
полминуты... и скоро рванёт.
Он глядит на неё молчаливо
и до боли за руку берёт.

Да, родители будут в печали,
будет водку глушить лучший друг,
но зато они горя не знали,
не хлебнули измен и разлук,

и друг друга уже не обманут,
и любовь свою не предадут,
взявшись за руки, так и предстанут
на последний, на божеский, суд.

Ну а нам, друг от друга уставшим
и в глаза научившимся лгать,
много раз свою честь потерявшим,
о таком можно только мечтать.

С высоты самолёт наш не падал,
теплоход не стремился ко дну.
Здесь – мы жизнь свою сделали адом,
там – и вовсе гадать не рискну.

Что ж, спасибо, судьба, за науку,
что открылась уму моему.
Просто дай на прощание руку,
я её напоследок пожму.

* * *

Этой ночью мне спать не давал соловей,
он всю ночь распевал для любимой своей.

Если б мы с тобой ночью сидели вдвоём,
я бы тоже, наверное, пел соловьём.

Но спокоен отныне мой скорбный приют,
больше певчие птицы здесь гнёзда не вьют.

Впрочем, песня меня бы уже не спасла –
в моём сердце не лёд, а осколок стекла.

Замолчи соловей и людей не морочь,
пусть глаза мне закроет косматая ночь,

упаду мертвецом я в объятия сна,
мне гораздо нужней темнота, тишина.

Ну а ты улетай, чтобы встретить зарю,
и не слушай, безумец, что я говорю.

ВЕСТОЧКА

За окнами – дудки и клевер,
местами мелькнет зверобой.
Прямую дорогу на север
цветы нам укажут с тобой.

Я весточку ближним отправлю,
столичные сброшу тиски,
усну и проснусь в Ярославле
в предчувствии русской реки.

И, за руки взявшись, недолго
мы будем смотреть в темноту,
где плещется сонная Волга,
горят огоньки на мосту.

Хотя ничего не исправить
в разбитой годами судьбе,
за эту нелегкую память,
родная, спасибо тебе.

Спасибо тебе за немилость,
которая ждёт впереди.
Из сердца любовь испарилась,
но плещется Волга в груди.

* * *

Я тебе, подруга, растолкую,
расскажу, как есть, начистоту,
я любил одну, потом – другую,
а тебе оставил пустоту.

Пустота – неправильный подарок,
но его ты не вернёшь назад,
мы зашли под свод сосновых арок,
покидая наш пансионат.

Я с начала знал, что проиграю,
что судьбы острее лезвиё,
но ещё в уме перебираю
имя королевское твоё.

После в интернете пощечем,
чтоб забыть друг друга навсегда.
Девочка уедет в Благовещенск,
а потом настанут холода.

* * *

Здесь, на окраине Третьего Рима,
время проносится неумолимо:
вечная спешка, работа, дела –
я не заметил, как осень пришла.

Быстро природа сменила свой статус,
я не заметил, наверное, старость
память мою сигаретой прожгла.
Я не заметил, как осень пришла.

Листья, как деньги, шуршат под ногами:
даже сравнения просятся сами.
Город накрыла вечерняя мгла –
я не заметил, как осень пришла.

Осень настала, а я не заметил,
как драгоценного гостя не встретил.
Нынче она у чужого стола.
Я не заметил, как осень пришла.

* * *

Мужик за забором, он красит забор,
который меня разделяет и двор,

элитного дома он страж и газона,
а возле забора подохла ворона.

Сидеть на заборе придётся не ей –
она уже стала добычей червей.

И мимо забора сквозь сон и дремоту,
как офисный червь, я ползу на работу.

Пусть мысли о смерти совсем не страшны –
зачем же ворона с моей стороны?

* * *

Последняя радость осталась – дорога,
она начинается прямо с порога,

идет мимо школы, петляет дворами,
её я измерил своими шагами,

за школой её перерезал трамвай,
и сам я себе говорю – не зевай!

А дальше она поднимается в гору,
с которой катаются в зимнюю пору,

потом она между деревьями вьётся,
и кто-то навстречу тебе улыбнётся.

Дорога похожа на школьную пропись...
Как жаль, что она упирается в офис.

С утра проснёшься на работу,
а день такой же, как вчера.
Попил чайку, прогнал зевоту,
уж на работе быть пора.

Идёшь и думаешь о разном:
о смысле жизни, о судьбе,
о нашем мире безобразном,
и вдруг привидится тебе,

как будто ты один в ответе
за этот дикий вертоград,
но так же умирают дети,
и так же нищие смердят,

низы молчат, верхи воруют,
сосед спешит за наркотой,
и так же женщины торгуют
своей фальшивой красотой.

Бушуют войны и раздоры,
в умах разруха и бардак,
и бесполезны уговоры
и обещанья райских благ.

И ты уже придумал кары:
болезни, бедствия, потоп,
готовишь бури и пожары
и истребление нон-стоп.

Готов разрушить всё на свете,
сам свет тебе уже не мил.
Но вот во двор выходят дети,
и ты прощаешь этот мир.

ФАНТОМ

Презирая московскую скуку,
я остался стоять на краю,
я тебя потерял, словно руку
в беспощадном ненужном бою.

Это станет уроком потом нам,
а сегодня потеря легка.
Дорогая, ты стала фантомом,
и в могиле истлела рука.

И не важно теперь, что там было,
как подумаешь, всё ерунда.
На горе зеленеет могила,
но бывают минуты, когда,

непогода ли в том виновата,
непонятно, короче, в чем соль,
настигает меня как расплата
за ошибку фантомная боль.

И хожу я весь день инвалидом,
и тоскливо, хоть плачь, на душе,
и не ясно, чего же болит там –
вроде всё отболело уже.

* * *

Забудь про былое, нажми тормоза
и с небом осенним напрасно не ссорься,
я кровью заката испачкал глаза,
тебя я не вижу, прощай, моё солнце.

Меня не спасут нашатырь и бинты,
не смогут меня откачать санитары,
чтоб сердце моё не покинула ты,
осталось красиво уйти под фанфары.

И больше не думать о самом простом,
ведь в пропасть уходит любая дорога,
и чувства вовеки не станут мостом,
всё это – издержки красивого слога.

Не надо любовь превращать в балаган,
довольно тревог и метаний по краю.
В обнимку с реальностью ходит обман,
но я больше в этот обман не играю.

